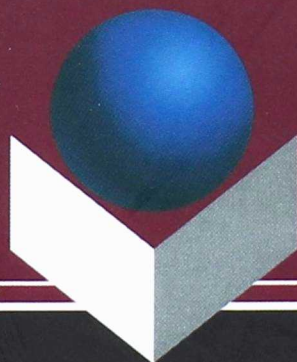

83.3(2=411.2)6-8я7

П27

СА-401687

С. В. Перевалова

ТВОРЧЕСТВО В. П. АСТАФЬЕВА

Проблематика

Жанр

Стиль

**(«Последний поклон», «Царь-рыба»,
«Печальный детектив»)**

Учебное пособие

ФЛИНТА

С. В. Перевалова

ТВОРЧЕСТВО В. П. АСТАФЬЕВА

ПРОБЛЕМАТИКА

ЖАНР

Стиль

(«Последний поклон»,
«Царь-рыба»,
«Печальный детектив»)

Учебное пособие по спецкурсу

4-е издание, стереотипное

Москва

Издательство «ФЛИНТА»

2023

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

789104-46
СА-401687

НАЧАЛО ПУТИ

«Поэтом человечности» [57, с. 184] назвал В. П. Астафьева критик А. Макаров, немало сделавший для творческого самоопределения начинающего провинциального, как принято говорить, литератора.

«Провинциального» потому, что первая публикация (рассказ «Гражданский, человек», 1951 г.) прошла в мало кому в столицах знакомой уральской газете «Чусовской рабочий». В Перми появились первые его книги: «До будущей весны» (1958), «Огоньки» (1955), «Васюткино озеро» (1956), «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» (1957), в 1958 г. — роман «Тают снега». С Уралом связан и приход настоящей литературной известности, которая в 1959 г., после появления в печати повестей «Стародуб» и «Перевал», распространилась и за Уральский хребет.

Географический «провинциализм» вовсе не означал «провинциализма» мысли и чувства, ориентации на локальные урало-сибирские проблемы. Произведения Астафьева, раскрывающие его крепкую связь с родной землей, несли в себе такой мощный нравственно-философский заряд, что задевали сам «нерв времени».

«Поэт человечности» — пожалуй, это определение наиболее полно отражает суть таланта писателя: умение видеть в жизни прежде всего светлое, доброе начало, не отмахиваясь от мрачного, темного в ней, но заставляя верить, что доброго больше и именно оно является целью и смыслом нашего существования на земле.

В лекциях о русской литературе, прочитанных в 20-е годы, М. М. Бахтин утверждал: «Выйти прямо из глубин народных в XX веке литературное явление не может: оно должно прежде всего определиться в самой литературе... Чтобы войти в литературу, нужно к ней приобщаться и, приобщившись, внести уже свой голос» [15, с. 595].

Пробуя свой голос в литературе, В. П. Астафьев эпитафией к сборнику рассказов берет слова С. Есенина из стихотворения «Мой путь»:

*Изба крестьянская,
Хомутный запах дегтя...*

Это не случайно: жизнь писателя, как и жизнь его великого предшественника, связана с деревней. В Овсянке Красноярского края в 1924 г. он появился на свет, отсюда осенью 1942-го восемнадцатилетним ушел на фронт, пробиваясь с боями через Украину, Польшу, через тяжелые ранения, контузию к своей Победе.

«Больной памятью» о войне продиктованы такие произведения В. П. Астафьева, как повесть «Звездопад» (1972), современная пастораль «Пастух и пастушка» (1967—1971—1989) и «солдатский роман» «Прокляты и убиты», публикуемый в наши дни журналом «Новый мир». Но о них предстоит разговор отдельный, где книги писателя будут рассмотрены в общем контексте современной «военной» прозы.

«Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою...» Да не получается спокойного рассказа. Обо всем пережитом (а у В. П. Астафьева это сиротское детство, детдом, ФЗО, военные и первые послевоенные мучительные годы) он говорит с такой искренностью, с такой прямоотой и потрясающей доверчивостью, что становится очевидным: он очень надеется на тебя, читатель, на то, что ты все поймешь и не осудишь за эту «распахнутость» души, а увидишь в его судьбе, накрепко спаянной с судьбой народа, в ее уроках много для себя близкого, а может, и поучительного.

«Крохотку» А. И. Солженицына «На родине Есенина» завершает недоуменный вопрос: «Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько для красоты — у

печи, в хлеву, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..» [76, с. 165].

Невольно вспоминаются эти слова, когда читаешь «Последний поклон» В. П. Астафьева, книгу, работа над которой продолжалась около тридцати лет: началась она в 1957 г., а финальные главы «Поклона» — «Забубенная головушка» и «Вечерние раздумья» — журнал «Новый мир» напечатал в 1992 г.

«МОЯ РОДИНА, БЛИЗКАЯ И ТРЕВОЖНАЯ...»

(«Последний поклон»)

«Последний поклон» В. П. Астафьева продолжает в русской литературе традицию автобиографических произведений, классическими образцами которой стали аксаковские «Детские годы Багрова-внука», «Детство» Л. Н. Толстого, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Детство» А. М. Горького, «Детство Никиты» А. Н. Толстого. Но его «повесть в рассказах» (так определяет жанр «Поклона» автор) не была задумана как целостное произведение, она вырастала из отдельных самостоятельных повествований о детстве.

«Свободная форма книги, состоящей из глав-рассказов или коротких повестей, дает возможность пополнять ее “на ходу”, раздвигая “ограду книги”» [10, т. 3, с. 462], — считает В. П. Астафьев.

В литературоведении встречается мнение о том, что «Последний поклон» — это роман [46]. Уместно вспомнить замечание М. М. Пришвина, сделанное им в 1930 г., вскоре после напечатания автобиографического романа «Кашеева цепь»: «...я пишу заметку, корреспонденцию, очерк и пишу их непременно от «я», потому что при переходе на третье лицо теряется искренность и убедительность. Если представить себе, что автор множества вещей много-много лет пишет от “я” очерки (замечим, что Пришвин в полемике с развлекательной литературой иногда очерками называл жанры всех своих произведений. — С. П.), то мало-помалу это “я” превратится в “мы” и форма очерка станет романом» [70, с. 49].

Нечто похожее произошло и с «Последним поклоном» В. П. Астафьева: его отдельные рассказы от «я» сложились в

«своеобразную поэтическую летопись народной жизни, начиная с конца 20-х годов и до конца войны Отечественной» [95, с. 409], а судя по публикациям последних глав — вплоть до начала 90-х годов.

Впечатление целостности, идейно-тематического единства отдельных рассказов создают общность проблематики, герои, переходящие из главы в главу, относительное единство места и действия, но в первую очередь — образ рассказчика (он становится композиционным центром книги, так как все происходящее читатель видит через его восприятие, его чувства и оценки) да еще особое лирическое настроение. Оно вызвано ощущением неразрывной связи человека с родной землей, крепнущей с годами памятью о своих истоках и об ответственности «перед теми людьми, которые продолжают в нас» [12, с. 62].

Своеобразным запевом произведения является «Далекая и близкая сказка» (1963). В ней воплотились самые сокровенные мысли писателя о человеке, о его месте на земле, о смысле и значении подлинного искусства, входящего в жизнь неразрывно с понятием «Родина». Ведь это оттуда, из детства, воспоминания: впервые увидев у своего сельского учителя картину Шишкина, «говорить не мог от чудосотворения — пашня, земля, на нашу похожа, вот она, в рамке, но как живая» [9, с. 72].

Родная земля формирует высокие чувства, воспитывает тягу к прекрасному и дарит радость от сознания того, что еще кому-то она видится такой же вот близкой, сердцу милой.

Как это точно выразил в обращении к сестре Шуре С. Есенин:

Ты мне пой. Ведь моя отрада —

Что вовек я любил не один

И калитку осеннего сада,

И опавшие листья с рябин [30, т. 1, с. 218].

Это стремление — в слове передать то, что «любил не один», — становится главным и для автора «Последнего покло-

на». Он считает, что писал обыденно «об обыденной неброской жизни», но в ней, «освещенной светом детства, виделась и слышалась мне музыка и поэзия, и краски, и сказки, и труд, и праздники, и смех, и горе» [63, с. 186], — все то, что и составляет суть этого сложного понятия «жизнь народа». Писателю удается передать процесс восприятия отдельной личностью, личностью рассказчика, взрослеющего на глазах читателя, огромных потенциалов народного разума и таланта.

«Далекая и близкая сказка» — о том времени, когда только начинает формироваться ядро человеческой души, о детстве. Не было оно сказочным ни у В. П. Астафьева, ни у его героя Витьки Потылицына: искорежило его горе — трагическая гибель мамы (она утонула в Енисее). Но близкие как могли старались продлить для парнишки ту замечательную пору, когда наперекор всему в сказки все-таки верится. Бабушка стала ему «отцом и матерью, всем, что есть на этом свете дорогого» [9, с. 545]. Это она по-доброму помогла ребенку открыть мир, увидеть чудесное в природе и в людях.

Вот и Вася-поляк представляется мальчику «загадочным, не из мира сего человеком», которому «полагалось жить в избушке на курьих ножках, рядом с лесом» [9, с. 6].

С этим таинственным человеком связано главное чудо детства — музыка. Образные ассоциации, вызванные в сознании ребенка тихой песней скрипки Васи-поляка, преобразили мир: иными увиделись знакомые края, хотя «все-все на месте. Только сердце мое, занявшееся от горя и восторга, как встрепенулось, так и бьется у горла, раненное на всю жизнь музыкой» [9, с. 9].

Восстанавливая впечатления детских лет, сохранившиеся на долгие годы, автор стремится к максимальной достоверности. Эффект сиюминутного переживания достигается переключением времен: от прошлого («возникла музыка и пригвоздила меня к земле») [9, с. 7] — к настоящему: «Музыка становится мягче, прозрачней, и слышу я, как отпускает сердце» [9, с. 8].

Предельный драматизм повествованию придает внутренний монолог маленького рассказчика: «Один я, один, а кругом

жуть такая, и еще музыка — скрипка. Совсем-совсем одинокая скрипка» [9, с. 8].

Молчаливый, не склонный к философствованию Вася-поляк договорил то, чего не сказала музыка, нашел для мальчика слова, навсегда высветившие для него важнейшую истину: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, — он еще не сирота» [9, с. 11]. Знакомство с сельским музыкантом давало первые серьезные знания о взрослой жизни, о том, как не прост «простой человек». Вопреки расхожему мнению: «Незаменимых людей у нас нет», — Астафьев утверждает обратное: «...вот помер Вася-поляк, и селу стало чего-то недоставать» [9, с. 16]. Как тут не вспомнить рассказ А. Солженицына «Матренин двор» (в 1959 г. написан, опубликован в 1963 г.), первоначальное название которого «Не стоит село без праведника»: подобно героине этого рассказа Вася-поляк из «Поклона» В. П. Астафьева «вроде праведника помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше, добрей друг к другу» [9, с. 16].

Освоение ребенком внешнего мира и мира собственного «я» осмысливается в произведении с точки зрения взрослого человека, с его определенных жизненных и художнических позиций.

Это подтверждает и композиционное построение главы, в ней за «детскими» страницами следует рассказ о более позднем времени: «Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом разбитом польском городе» [9, с. 16].

Между «я» в повествовании о первой встрече со скрипкой и «я» в военном эпизоде пролегла жизнь, но как в детстве вздрогнуло «взрослое» сердце, услышав звуки знакомого «Полонеза», исполняемого на родине Огинского. Правда, теперь не было в душе ребячьего умиления, не было и слез, появилось другое: музыка польского композитора призывала русского солдата помнить о своей далекой родине, она просила помочь ей, да не только ей, а всей измученной, истерзанной за военное лихолетье земле. Музыка лечит отчаяние, ее красота действительно спасает мир — внутренний мир человека, пробуждая «чувства добрые» и высокие стремления. Вспомним скрипку из «Загадки»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало пути	3
«Моя Родина, близкая и тревожная...» («Последний поклон»)	6
«Смятенный вид родного края...» («Царь-рыба»)	38
«Печаль светит тихо...» («Печальный детектив»)	66
Из «Затесей»	87
Литература	98

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48